

Он произнёс эти слова, намереваясь уйти. Ему нужно было вернуться, ведь множество дел ждали его завершения. Всё это время, пока он был здесь, его обязанности выполняли друзья.

Старушка уловила его намерение, и слёзы тут же снова хлынули из её глаз. Она схватила Тао Сяодуна за руку, крепко сжимая её, но не смогла произнести ни слова. Её глаза уже не были такими, как раньше — зрачки покрылись сероватой плёнкой, казались мутными и застывшими.

В воспоминаниях Тао Сяодуна она всегда плакала. Когда он был маленьким, она была ещё молода, но уже тогда часто рыдала.

— Если так продолжится, рано или поздно он его убьёт, — бросил Тао Сяодун, взглянув в сторону палаты. — Если можешь, сделай что-нибудь.

Эти слова были бесполезны, и он сам это понимал. Она не могла ничего сделать. Старушка, измученная жизнью, была слишком слаба.

Она держала его руку, словно это было последнее дерево, за которое она могла уцепиться. Её старые пальцы побелели от напряжения. Мутные слёзы текли из её глаз, а рука дрожала так сильно, что даже рука Тао Сяодуна, держащего Тао Хуайнаня, начала трястись.

Её костлявые пальцы впивались в ногу Тао Хуайнаня. Она даже боялась, что одной руки будет недостаточно, чтобы удержать Тао Сяодуна, и потому другой рукой схватила за голень Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань вздрогнул, когда она схватила его. Её руки были ледяными и сухими, и это напугало его.

Губы старушки начали дрожать, каждая складка на её лице была наполнена мучительной борьбой.

Она крепко держала братьев перед собой, её полуослепшие от слёз глаза блуждали по их лицам.

Семья Тао была хорошей семьёй, поколениями они славились своей добротой.

С глухим стуком её колени ударились о пол.

— Мальчик из семьи Тао... заведи его с собой, дай ему хоть кусок хлеба...

— У твоего брата плохое зрение, считай, что ты завёл котёнка или щенка, чтобы было кому составить ему компанию...

— Лишь бы выжил, хорошо или плохо — это уже судьба...

Ребёнок очнулся только на следующий день. Первое, что он увидел, был Тао Хуайнань, сидящий со скрещёнными ногами у его ног.

Голова резко заболела, он поднял руку, чтобы прикоснуться к ней, и нащупал бинт.

Тао Хуайнань услышал звук и тихо спросил:

— Ты проснулся?

Ребёнок не ответил, оглядев палату, Тао Хуайнаня и стойку с капельницей.

Поскольку он молчал, Тао Хуайнань тоже перестал спрашивать. Сидя на краю кровати со скрещёнными ногами, он сжимал в руках мешочек с песком, издавая шуршащий звук. В палате двое детей молчали, как и в большинстве случаев, когда они были вместе.

Когда Тао Сяодун вернулся с кашей, Тао Хуайнань повернул голову, услышав звук.

— Проснулся?

— Кажется, да.

Тао Сяодун поставил кашу на тумбочку и спросил:

— Где-нибудь болит?

Ребёнок на кровати смотрел на него, но не говорил ни слова.

Тао Сяодун тоже не стал спрашивать больше, просто сказал:

— Если где-то заболит, скажи, вызову врача.

Ребёнок съел полмиски каши, а потом вырвал всё.

Уборщик больницы пришёл с шваброй, чтобы вымыть пол, и, закончив, без эмоций бросил:

— Если не можешь есть, не ешь.

Тао Сяодун спросил, будет ли он есть ещё, но ребёнок молчал, не реагируя. Прошло некоторое время, прежде чем он наконец выдавил:

— Не буду.

Тао Сяодун и Тао Хуайнань смотрели на него.

— Если проголодаешься, скажи мне.

С момента пробуждения он был в этом молчаливом, оцепеневшем состоянии. Он не спрашивал, почему он здесь, и не спрашивал, почему они здесь.

Когда ему поставили капельницу, провели обследование, а днём надели на него новую одежду и увезли из больницы, он так и не спросил, куда они направляются.

Кровь в машине была вытерта, но запах всё ещё оставался. Он лежал на заднем сиденье, повернув голову к братьям впереди.

На улице шёл снег, небо было серым.

Машина ехала несколько часов, и когда они вышли, уже стемнело.

После выхода из машины его снова вырвало, и Тао Сяодун несколько раз похлопал его по спине.

Его отвезли в другую больницу, где он оказался в двухместной палате. Тао Сяодун нанял сиделку, чтобы та заботилась о нём. Сиделка составила список необходимых вещей для госпитализации, и Тао Сяодун вышел, чтобы всё уладить, после чего ушёл, держа на руках Тао

Хуайнаня.

На соседней кровати тоже лежал ребёнок. Его отец спал на кровати для сопровождающих, а мама тесно прижалась к нему на больничной койке.

Сиделка помогла ему сходить в туалет, после чего легла на кровать для сопровождающих и захрапела. Под этот храп он уснул.

Он провёл в больнице неделю, и за это время Тао Сяодун навещал его дважды.

Под окном палаты были два радиатора, от которых шёл горячий воздух, вызывая головокружение. Его нос давно был испорчен, и он постоянно тек, независимо от температуры. Сиделка подходила с салфетками, чтобы вытереть его, но через несколько дней под носом появилось красное пятно, которое болело при прикосновении.

Когда сиделка снова попыталась вытереть его нос, он оттолкнул её, отбросив руку. После этого сиделка больше не обращала на него внимания.

Когда Тао Сяодун привёл Тао Хуайнаня, чтобы забрать его, под носом у него висела струйка слезы. Тао Сяодун велел ему переодеться и бросил ему салфетку, чтобы он вытер нос.

Он молча взял салфетку и провёл ею под носом. Тао Хуайнань всё ещё не оправился от простуды и тоже шмыгнул носом, поэтому Тао Сяодун протянул ему салфетку.

На голове Тао Хуайнаня была вязаная шапка, а на шее — вязанный шарф. В руках он держал ещё одну шапку и протянул её ребёнку из семьи Чи.

— Надень, тебе нельзя, чтобы голова продулась.

Ребёнок взял шапку и надел её, не задавая вопросов, и последовал за ними из больницы в машину.

На этот раз это была легковая машина, а не микроавтобус, как в прошлый раз. Тао Хуайнань сидел с ним на заднем сиденье, через некоторое время полез в карман и сунул ему в руку два леденца.

— Помоги мне развернуть один, а второй оставь себе.

Ребёнок наклонился, развернул один и отдал ему, а второй не стал есть.

— Скучаешь по дому? — неожиданно спросил Тао Сяодун, сидящий впереди.

Ребёнок поднял на него глаза и сказал:

— Нет.

— Это хорошо. — Тао Сяодун обернулся на красный свет. — Теперь ты будешь с нами.

Он больше не проронил ни слова, через некоторое время повернул голову к окну и стал смотреть на поток машин и пешеходов.

Он говорил слишком мало. Если его не спрашивали, он молчал, всегда опустив глаза. В кармане Тао Хуайнаня всегда были мелкие закуски, которые он время от времени подсовывал ему в руку, но тот ничего не ел, не говорил и сидел неподвижно.

По пути Тао Сяодун вышел из машины, чтобы забрать что-то, оставив их ждать.

После того как брат вышел, Тао Хуайнань сначала покрутил во рту леденец, затем вынул его и, держа в пальцах, подвинулся ближе к ребёнку из семьи Чи, говоря с ароматом личи от леденца.

— Не бойся, мой брат очень добрый.

Ребёнок из семьи Чи отодвинулся, никогда не был так близко к кому-либо.

Тао Хуайнань ещё немного пососал леденец, затем снова приблизился к нему и тихо сказал:

— Теперь у нас дома тебя никто не будет бить.

Его дыхание, наполненное сладким ароматом, касалось лица ребёнка, а также ощущался естественный молочный запах его тела.

Ребёнок повернулся к нему, его большие, влажные и пустые глаза были особенно заметны.

Они жили в многоквартирном доме, в двухкомнатной квартире.

Тао Сяодун дал ему детские тапочки, и после смены обуви он прижался к стене.

— Я не заставляю тебя стоять. Сними куртку и иди помой руки.

Его глаза метались вокруг, и Тао Сяодун кивнул в сторону ванной.

— Не стесняйся, теперь ты будешь жить здесь. — Тао Сяодун подошёл и включил свет в ванной. — Слева горячая вода, справа холодная. Когда используешь горячую, не крути до конца, чтобы не обжечься.

Тао Хуайнань последовал за ним, чтобы помыть руки. Перед раковиной толпились двое детей и взрослый. Взрослый настроил для них температуру воды, Тао Хуайнань взял мыло, намылил руки и передал его ребёнку.

— По старшинству ты должен называть меня дядей Тао, — сказал Тао Сяодун, стоя за ними и глядя на них в зеркало, обращаясь к ребёнку из семьи Чи. — Я одного возраста с твоим отцом.

Ребёнок поднял глаза на зеркало, встретив взгляд Тао Сяодуна, который продолжил:

— Но ты одного возраста с моим братом, так что можешь называть меня братом, как и он.

Ребёнок из семьи Чи молчал. Тао Сяодун опустил глаза:

— Называй.

Он не стал упрячиться и произнёс:

— Брат.

— Угу. — Тао Сяодун ответил, а затем добавил:

— Мой брат не видит, так что ты должен заботиться о нём. Вы будете жить и играть вместе, только не деритесь.

<http://bllate.org/book/16228/1457992>